

МАЙРАНА МИСТЕРУ

ЗЛОДЕЙКА
В ПЛЕНУ
ГЕНЕРАЛА ДРАКОНОВ

Майарана Мистеру Злодейка в плену генерала драконов

<https://litres.ru/74345944>

Аннотация

СКИДКА 10% по промокоду НОВИНКА26

Я очнулась в чужом мире, в теле злодейки, которую мечтают разорвать на куски абсолютно все. Теперь я в плену у жестокого генерала драконов и молча расплачиваюсь за то, что прошлая владелица моего тела расправилась с его невестой. Но самое страшное в том, что магия этого мира выбрала моего мучителя моей истинной парой.

♥# ХЭ

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	45
Глава 5	61
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Пролог

— Хорошо хоть не сдохла. Брось её на кровать, Борг, к утру оклемается.

Меня швырнули, с такой силой, что из горла вырвался сиплый, мокрый хрип. Тело впечаталось в жёсткий матрас, пропахший плесенью и чем-то кислым.

Каждая кость от затылка до пяток горела, будто её вынули, сломали и вставили обратно под другим углом.

Я попыталась вдохнуть поглубже, но рёбра ответили так, что в глазах потемнело.

— Да, в этот раз она её кочергой пыталась насмерть забить, — прохрипел мужской голос. — Решила прикончить перед отъездом. Пару дней точно пролежит.

— Ох уж эта баба, — со вздохом ответил женский грубый голос. — Нам бы генерал головы открутил, если б все-таки сдохла. Завтра встанет, куда денется. У дряни полно работы по замку. Нечего прохлаждаться.

— Завтра? У нее переломов не счесть, куда ж она встанет, — рассмеялся мужчина.

— Да встанет, говорю. Она после наказания генерала на следующий день бодрой козой скакала и зубоскалила, а тут... — женщина хмыкнула, — переломы.

Я на миг провалилась в пустоту, а когда вынырнула услышала, как шаги зашаркали к двери и петли скрипнули.

— ...а я ему говорю, третий раз подряд пересолила, — женщина уже переключилась, голос отдалялся. — А он всё жрёт и хвалит, представляешь?

Мужчина буркнул что-то невнятное, женщина заржала, эхо подхватило смех и погнало куда-то далеко, а затем хлопнула дверь.

Я лежала лицом в подушку, если эту каменную плиту с натянутой тканью можно так назвать, и пыталась сообразить, почему так больно. Мысли расплзались, как мокрая бумага на пальцах.

Рёбра. Спина. Правая нога ниже колена. Затылок пульсировал, набухая тупой давящей тяжестью.

А потом всё исчезло.

Глава 1

Дверь хлопнула так, будто по ней врезали тараном.

Я рванулась на кровати, и тело прострелило от бедра до шеи, чуть язык себе не откусила. Сердце заколотилось в горле, перекрывая воздух. Я отползла к стене и вжалась спиной в холодный камень, подтянув колени к груди.

В дверном проёме стояла женщина.

Широкая, приземистая, с красным рыхлым лицом и маленькими глазами, утонувшими в складках кожи. Она смотрела на меня, как фермер на хромую скотину. Будто прикидывала, стоит ли ещё кормить или уже пора на забой.

— Чего развалилась?

Я открыла рот. Закрыла.

Она швырнула в меня серый ком ткани. Он ударил мне в грудь, упав на колени.

— Переодевайся и за работу. Вечером помоешься.

Тут же развернулась, от чего подол мазнул по камню, и вышла. Дверь закрылась с протяжным стоном петель.

Тишина.

Я сидела, вцепившись в серую тряпку, и чувствовала пульс в кончиках пальцев, в зубах, в ушах. Знаете ощущение после наркоза, когда первые секунды вообще ничего не понятно? Где ты, кто ты, только всё плывёт и сквозь муть постепенно проступают контуры? Вот. Только контуры про-

ступали какие-то дикие.

Я пленница в этом замке. А эта женщина, Вигрид, моя надзирательница, которая каждое утро приходит и выгоняет на работу.

Знание сидело внутри прочно, как зуб в десне. Привычное. Будничное. И абсолютно чужое.

Я медленно разжала пальцы и уставилась на свои ладони. Тонкие белые руки с вьёвшейся кровью под обломанными ногтями.

У меня были узкие пальцы с аккуратными ногтями под розовым гель-лаком и мозолями на подушечках от клавиатуры, потому что я печатала по восемь часов в сутки, в дешёвых наушниках, чтобы маму ночами звуком колонок не будить.

Расшифровывала чужие голоса. Лекции по экологии, интервью с депутатами, судебные заседания по земельным спорам, всё подряд, лишь бы платили. Пальцы немели к утру, спина деревенела, глаза слезились от экрана. Зато я научилась часами сидеть в одной позе и слушать, как чужие люди говорят о чужих делах, отключив собственную голову напрочь.

Полезный, как выяснилось, навык.

Меня зовут Вера Авеньтьева. Мне тридцать два.

Я живу в Москве, в однушке на Нагорной. Третий этаж, лифт вечно сломан, зато метро в пяти минутах. После одиннадцатого класса поступила в институт на земельное право.

Звучит красиво, а по факту, скука такая, что на третьей лекции хотелось биться головой об парту. Но мама гордилась, говорила подругам «Верочка на юриста учится», и ради этого маминого голоса, когда она по телефону хвасталась, можно было потерпеть.

А потом терпеть пришлось другое.

Маме поставили диагноз на втором курсе. Онкология. Я забрала документы из института на следующей неделе. Декан смотрел с жалостью, и предлагал академический, а я думала только о том, что дома мама одна и ей надо принять таблетки в четыре.

Три года. Три года больниц, капельниц, очередей в коридорах, где пахнет хлоркой и безнадёгой. Три года мамино-го лица на подушке, которое с каждым месяцем становилось всё меньше, будто болезнь стирала её по кусочку.

Я возила её на процедуры, готовила бульоны, меняла бельё, ночами сидела рядом, когда ей было совсем плохо, и читала вслух, потому что телевизор она уже смотреть перестала, болели глаза.

Читала я ей ромфант. Потому что от ромфанта мама улыбалась.

Драконы, попаданки, властные красавцы с тяжёлым прошлым. Я знала все клише наизусть: вот девчонка из нашего мира просыпается в теле принцессы, вот злодей оказывается ранимым, вот истинная пара, вот магическая связь, вот хэппи-энд через триста страниц.

Мама слушала и говорила: «Верочка, вот бы тебе так, в другой мир, где красиво и драконы». А я смеялась и отвечала: «Мам, мне бы в мир, где нормальная зарплата и ипотека с низким процентом. Мне хватит».

Мама умерла в апреле. Тихо, во сне, я сидела рядом и держала её за руку и даже этого момента толком поймать не получилось. Он был такой мягкий, как выдох. Только рука стала чуть холоднее, и я ещё минуту сидела и думала, что она просто уснула крепче обычного.

Потом был год, который я помню кусками. Работа, наушники, чужие голоса. Пустая квартира, где мамины тапочки ещё стояли у двери. А потом диагноз. Мой собственный. Та же болезнь, наследственная, как сказал врач, и я стояла в кабинете и думала ну конечно. Конечно. Я ведь везучая.

Дальше были месяцы, которые слились в одну длинную больничную палату. Химия, капельницы, тошнота, волосы на подушке.

А потом была боль в груди, такая, что я еле дотянулась до кнопки вызова. Прибежала медсестра. Лицо у неё стало белым. И всё поехало в сторону, а я подумала: вот так, да? Тридцать два года, и всё?

И вот я здесь.

Я потрясла головой, и затылок взорвался болью, перед глазами поплыли тёмные пятна. Пришлось пережить, вцепившись в край кровати, пока мир не перестал качаться.

Допустим, я сошла с ума. Это было бы логичное объясне-

ние. Может, кома, и всё это бред, порождённый умирающим мозгом? Я читала где-то, что в последние минуты мозг выбрасывает целый фейерверк образов.

Только вот боль была слишком настоящей для бреда. Я-то знала, как болит по-настоящему. Меня научили три года химиотерапии.

А чужие воспоминания лезли в голову, продираясь сквозь мои собственные. Я пыталась сосредоточиться на чём-то своём, на мамином лице, на стуке клавиш, на запахе хлорки в больничном коридоре, но чужая память оказалась сильнее и заполняла каждую паузу, стоило хоть на секунду ослабить хватку.

Огромный холодный замок. Каменные стены, факелы в железных кольцах, гулкие коридоры. Я знала его, как свою однушку, каждый поворот, каждую лестницу, каждую щель в кладке.

Я здесь давно. Несколько лет. В плену у врага.

И слово «враг» пришло вместе с лицом, от которого внутри всё скрутилось. Мужское лицо. Высокий, с тяжёлой челюстью и глубоко посаженными глазами, и в глазах горела такая ненависть, что у меня задрожали руки.

Деймар Кросс.

Генерал.

Дракон.

Я моргнула. Подождала. Слово осталось на месте, сидело в чужой памяти, как влитое.

Ну разумеется. Драконы.

Он уничтожил королевство Шейвер. Убил отца. А меня взял в плен и поставил магическое рабское клеймо.

Что за бред? У меня правда кукуха поехала?

Я потянулась к левому предплечью, задрала рукав и увидела уродливый рисунок дракона, впечатанный в кожу, переплетённые линии, которые слегка мерцали, а поверх два уродливых шрама.

Клеймо удерживало меня в замке, за силовое поле я была бессильна выйти. А если бы как-то удалось, он бы нашёл меня по метке. И тогда я бы снова пожалела, что не могу умереть без особых обстоятельств.

За что? Что она ему сделала?

Стоило задать этот вопрос, как меня накрыло.

Воспоминание пришло целиком, разом, и я захлебнулась им.

Тронный зал. Огромный, с колоннами, уходящими в полумрак. Я стояла на коленях, руки скованы за спиной, а передо мной сидел он, Деймар, и лицо у него было серым, обескровленным. А я смеялась. Запрокинув голову, с полным ртом собственной крови, потому что стражник перед этим ударил по лицу. Я смеялась, и говорила...

Как мои солдаты расправлялись с его невестой.

Подробно. Медленно. Подбирая слова, как повар специи, чтобы блюдо вышло именно таким, каким задумано. И каждое попадало в цель. Я видела по тому, как у него беле-

ли пальцы на подлокотниках, как на виске начинала биться жилка. И от этого зрелища внутри поднималось жгучее, ликующее удовольствие.

Я рассказывала, как с его брата живьём снимали кожу.

Описывала, как рвали на части молодых драконов из его гарнизона.

Во рту образовалась горькая слюна и меня вырвало.

Желудок скрутило, выворачивая наизнанку, и я согнулась на краю кровати, кашляя и давясь желчью. А перед глазами всё стояло лицо генерала, в чьих глазах столько ненависти, что он готов весь мир в крови утопить.

Я вытерла рот тыльной стороной ладони и прислонилась к стене.

Значит, вот за что.

Вот за что он так с ней. Со мной? Мысли и образы путались. Тело принадлежало ей, принцессе Шейвера, и воспоминания принадлежали ей. А я тут кто? Подселенец? Глюк?

Марион Ворн. Двадцать пять лет. Красавица, каких свет не видывал. Но садистка и психопатка.

Она ненавидела Деймара Кросса, потому что он отказался на ней жениться. Вот так просто. Отказался, и внутри этой красивой головы что-то перемкнуло.

Я перечитала, наверное, сотню книг про попаданок. Сидя у маминой кровати, в наушниках, между сеансами расшифровки, лежа в больнице, я проглатывала их одну за другой. И во всех этих книгах, если героиня попадала в тело ка-

кой-нибудь «злодейки», на деле она оказывалась милой дурочкой, оклеветанной завистниками. Или жертвой обстоятельств. Или просто глупой, капризной, но безобидной.

Так вот, Марион Ворн была безобидна, как бубонная чума.

Ладно, Вера, соберись.

Я заставила себя дышать. Вдох на четыре счёта, выдох на шесть. Мама научила, когда у меня начались панические атаки после её диагноза, ещё тогда, когда она была жива и можно было паниковать при ней, а она гладила по голове и говорила: «Верочка, дыши, считай, тело само успокоится».

Мамин голос зазвучал в голове так отчётливо, что защемило в груди. Мой единственный человек, который меня любил. И которого я уже давно похоронила.

«Верочка, вот бы тебе так, в другой мир, где красиво и драконы».

Ну вот, мам. Другой мир. Драконы. Красиво прямо до слёз.

Серая тряпка оказалась платьем. Грубая ткань, без формы, без единого ровного шва. Я стянула через голову то, что было на мне, рубаху, пропитанную потом и кровью, и зашипела, потому что каждое движение отзывалось в рёбрах и спине. Посмотрела на тело и отвернулась.

Внешне никаких признаков увечий, кроме крови, которой было вымазано все тело. Внутри же все болело и саднило.

Но в этом не было ничего странного. В крови Марион

ее родовая магия, которая и помогала ей выживать. На ее несчастье, у нее драконья регенерация. Этим Деймар и пользуется, чтобы отомстить. Он пообещал ей, что она ни дня без страданий не проживет. И Марион действительно страдала каждый день.

Я натянула платье, морщась, и вышла в коридор. Длинный, каменный, в нем чадили редкие факелы. Я помнила дорогу — вниз по лестнице, через левый проход, мимо кладовых. Каждое утро, годами.

— Шевелись, — Вигрид ждала внизу, привалившись к стене, скрестив руки. — Пол в восточном крыле, камины, потом в прачечную. До обеда управься... — Она осеклась, наклонила голову и посмотрела на меня с внезапным любопытством, — ты чего такая?

— Какая? — я услышала свой голос и мысленно споткнулась. Звонкий, тонкий, но с легким сухим скрипом. Нужно попить.

— Смирная, — Вигрид сощурилась. — Обычно к утру уже шипишь. Кочерга мозги вправила?

Хмыкнула, довольная шуткой, и толкнула в спину.

— Вёдра и щётки где обычно. Пошла.

И я пошла, припоминая, что Марион действительно постоянно зубоскалит. Всем. Даже тому, кто стал ей хозяином. Ему особенно любила лезть под кожу. Просто обожала смотреть, как в его глазах разгорается ненависть и как стискиваются зубы.

Она все ждала, что он ее ударит, но единственный вред, который он причинил ей собственноручно — толкнул в горящий камин, когда она попыталась его соблазнить.

Это было ужасно...

Добро пожаловать в новую историю! ##

Не забудьте добавить книгу в библиотеку и поставить лайк ##

Глава 2

Восточное крыло оказалось анфиладой каменных залов, продуваемых насквозь. Я стояла на коленях на полу, выжимая тряпку в ведро с мутной водой, камень за камнем, и руки тряслись, и спину ломило, и боль в рёбрах при каждом наклоне заставляла закрывать глаза и пережидать.

Хотя к боли мне было по-своему привычно. Три года химии, от которой выворачивает так, что забываешь собственное имя, неплохо калибруют болевой порог.

И привычка часами сидеть в одной позе, слушая чужие голоса, отключив собственные мысли, пригодилась тоже. Я просто... делала. Тёрла камень, выжимала тряпку, ползла к следующему, и тело работало на автомате, а голова переваривала чужие воспоминания, как переваривала когда-то чужие интервью, слово за словом, абзац за абзацем.

А в тишине чужие воспоминания лезли с утроенной силой.

Марион Ворн ненавидела Деймара Кросса задолго до войны. Она хотела его. Он отказал. Всё, что случилось потом, было мстью обиженной психопатки с папиной властью и его временными провалами в памяти, которые она так любовно ему устраивала.

Это чистая случайность, что на пути хорошо защищенного отряда оказалась ее армия. Они выполняли передислока-

цию и встретились. Оказалось, что драконы сопровождали невесту к Деймару.

Невесту... Ох, как же это взбесило Марион, когда ей доложили. Я... она едва волосы на себе не рвала и когда всех доставили в темницы дворца, эта долбанутая на всю голову сука, взялась за издевательства. Причем, первой была невеста Деймара.

В ее воспоминаниях она была красивой нежной девушкой с золотистыми волосами и печальным взглядом. Стройная, хрупкая. Я бы назвала ее нежной эльфийкой, так она подходила под образ. Но с красотой Марион, конечно, не сравнить. И это ее тоже раздражало. Она не понимала, как он мог отказать. Как мог выбрать вот это жалкое нечто с огромными голубыми глазами.

И с каким же удовольствием она смотрела, как невесту Деймара терзает толпа голодных до прекрасного тела солдат. Как издеваются, унижают и наносят физический вред.

У меня сдавило горло и снова подступила тошнота. Какая же мерзкая тварь.

Девушку истязали несколько дней. Марион заходила к ней часто и смеялась, когда та умоляла ее убить. И только в последний день, когда она уже ни на что не реагировала, принцесса отдала еще более жестокий приказ. Вытащить ее на площадь и... толпой... господи.

Я просто представить себе не могу, какую боль она испытывала. Моя предсмертная боль была ничем по сравнению

с этой.

Как я могла попасть в тело этой мерзавки?! Мне дышать в ее теле противно!

После серии допросов отряда, сопровождавшего невесту, принцессе доложили, что среди них есть двоюродный брат Деймара.

Это и был сын Гриэль Даэрс.

Тётка Деймара. Рыжая, с красивым лицом и кочергой в руках. Мать, ребёнка которой Марион убила. Вчера она пыталась разделаться с Марион. Она знала, что драконья кровь в этом теле заживит любую рану к утру и можно начинать сначала, но все же надеялась, что та скончается от полученных травм, что, похоже, и произошло, раз в этом теле оказалась я.

Для Марион последние несколько лет — это бесконечный день сурка, где боль восстанавливается вместе с телом.

Я бросила тряпку и прижала мокрые ладони к лицу.

Во всех моих книжках, во всех этих историях, которые я читала маме вслух, попаданка просыпалась в теле «злодейки» и выяснялось, что злодейка на самом деле милая, просто её оклеветали. Или подставили. Или заколдовали. Кто-то другой виноват, всегда кто-то другой. А попаданка приходила и всё исправляла, и злобный герой оттаивал, и все жили долго и счастливо.

Так вот, Марион Ворн никто не подставлял. Она сама, лично, своими руками и своими приказами, уничтожила

столько жизней, что хватило бы на десять злодеек из десяти разных книг. И красивый тёмный герой мечтал её удавить. И я, честно, его понимала.

Я убрала руки от лица и снова взяла тряпку. Надо двигаться, надо заполнить голову действием и заглушить чужой голос, который продолжал подбрасывать картинки, одна хуже другой.

— Эй!

Я подняла голову. В дверях стоял стражник, высокий, в кожаной куртке, с коротким клинком на поясе. Молодое узкое лицо, тонкий шрам через левую бровь. Он смотрел на меня с любопытством и странным выражением, от которого захотелось натянуть на себя побольше одежды.

— Леди тебя знатно отделала. А ты всё ползаешь. Живучая тварь.

Сказал почти с восхищением. Развернулся и ушёл.

Я выдохнула и поняла, что стискивала тряпку так, что ногти впились в ладонь. Живучая тварь. Да, здесь именно так ко мне обращаются. Прекрасная стартовая позиция для человека, который ещё вчера лежал под капельницей.

Камины оказались хуже каменного пола. Четыре штуки, каждый в мой рост, забитые золой и сажей. Вигрид погнала меня туда ранним утром, когда угли ещё тлели, и камень обжигал колени сквозь тонкую ткань платья. Я залезала внутрь, сгребала всё руками в ведро, вытаскивала, ссыпала в мешок, возвращалась. Сажа забивала нос и горло, я кашляла, и при

каждом кашле рёбра простреливало до позвоночника, а на губах оставался привкус крови.

В третьем камине стояла кочерга. Обычная, железная, с загнутым концом. На нижней трети бурая запёкшаяся корочка и пара рыжих волосков.

Я смотрела на неё, и внутри всё застыло.

Прекрасная рыжая Гриэль Даэрс, мстящая Марион за смерть сына, монотонно и долго била ее этой штукой. Она остановилась лишь тогда, когда та затихла, и надеялась, что Марион Ворн сдохнет.

Я вытащила кочергу, прислонила к стене и вернулась к золе.

Сразу после Гриэль Даэрс уехала из замка. Но я боюсь представить, что будет в следующий раз, когда она вернется.

Прачечная забрала остаток сил. Каменный жёлоб с ледяной водой в подвале, доска, тяжёлый кусок бурого мыла и горы солдатских плащей, пропитанных грязью и засохшей кровью.

Пальцы окоченели через десять минут, и я перестала их чувствовать, хотя ощущение было знакомым, пальцы у меня немели часто, от клавиатуры, по ночам, когда я печатала очередную расшифровку.

Щёлок, которым приходилось оттирать пятна, разъедал кожу до мяса. К утру драконья кровь нарастит новую. Но завтра щёлок сожрёт её снова.

Рядом работали две женщины, обе старше. Одна, рябая,

с выбитым передним зубом, демонстративно отвернулась и сплюнула в жёлоб. Вторая бросила взгляд и быстро отвела, будто обжёгшись.

Меня тут знают. И чувства испытывают однозначные.

Ну а чего ты ждала, Вера? Ты в теле человека, который приказывал убивать драконов. Ты хоть десять лет стирай плащи, для них ты всё та же.

Вигрид ждала у кухни.

— Успела?

— Да.

Окинула меня взглядом, отметила чёрные от сажи руки, ободранные пальцы, пятна на подоле. Кивнула.

— Жри. Через час продолжишь. Комнаты генерала к его приезду должны быть вылизаны.

Кухня. Тёмное низкое помещение. На краю стола деревянная миска с серой кашей и кусок чёрствого хлеба. Я заставила себя есть, медленно, прислушиваясь к желудку, который помнил утреннюю рвоту. После химии я тоже так ела, по ложечке, уговаривая себя на каждый глоток, и от этого сходства, от того, как привычно тело помнило этот ритуал, к горлу подкатил горький комок.

В дверях мелькнула худая девчонка лет пятнадцати, увидела меня, замерла с испуганным лицом, метнулась к печи, схватила что-то и убежала.

Даже дети боятся.

Я жевала хлеб и думала, как на работе, когда разбирала

запутанную расшифровку.

Факт первый: я в чужом теле.

Факт второй: тело принадлежит Марион Ворн, которая за-
служила всё, что с ней происходит, и ещё сверху.

Факт третий: я, Вера, ко всему этому отношения имею
ровно ноль.

Факт четвертый: тело регенерирует, и именно поэтому его
можно ломать бесконечно.

Вопрос: и что теперь?

Через час я снова стояла с тряпкой и ведром, на этот раз в
западном крыле, в комнатах, которые готовили к приезду ге-
нерала. Кровать с тяжёлым балдахинном, дубовый стол с кар-
тами и свитками, стойка с оружием у стены. Пахло морозной
хвоей, мускусом и грушами.

Я мыла пол и старалась дышать ровно.

— Глянь-ка в окно... — донесся из-за стены приглушен-
ный женский голос. — Неужто генерал?

— Он самый, — отозвался второй, усталый мужской. —
Наверняка прямиком из столицы, от его величества. Ну на-
конец-то. Война кончилась, а он всё мотается...

Сердце пропустило удар.

Оставив на полу мыльные разводы, я метнулась к окну и
прижалась лбом к холодному стеклу.

Внизу спешили всадники. И среди них — генерал
Деймар Кросс собственной персоной. Даже отсюда от него

веяло тяжелой, давящей угрозой.

Дракон.

Тот самый человек, чья армия стерла с лица земли королевство Шейвер. Тот, кому Марион Ворн причинила столько боли, что он готов был разорвать этот мир на куски, лишь бы до неё добраться.

Глава 3

Даже с высоты третьего этажа Деймар Кросс казался огромным. Широкие плечи, тяжёлый плащ, движения человека, привыкшего, что перед ним расступаются. Он бросил поводья подбежавшему конюху, коротко кивнул кому-то из встречающих и направился к парадному входу. От одного только вида его походки хотелось отшатнуться и вжаться в стену. Даже если ты просто смотришь из окна. Даже если между вами три этажа и каменная кладка.

У меня затряслись руки.

Я отлепилась от стекла и посмотрела на пол. Мыльные разводы, мокрые пятна, брошенная тряпка. Если Вигрид увидит, мне конец. Если он поднимется сюда и увидит...

Но он же поднимется. Это его комнаты.

Руки затряслись сильнее, и я сжала их в кулаки, вдавливая ногти в ладони. Вдох на четыре. Выдох на шесть. Вдох на четыре. Выдох на шесть.

Считаю, мам. Я считаю.

Я подобрала тряпку, опустилась на колени и продолжила мыть. Руки дрожали так, что ткань постоянно выскальзывала из пальцев. Приходилось перехватывать её, тереть, выжимать в ведро и снова тереть. Мокрый камень, мыльная вода, размеренные движения. За день тело уже выучило этот ритм. Нужно было лишь отключить голову — точно так же,

как я делала это ночами за расшифровками: просто слушать и печатать, слушать и печатать... Не думать о том, что рядом спит умирающая мама.

Шаги в коридоре. Тяжёлые. Уверенные. Они приближались. У меня перехватило дыхание. Я продолжала тереть пол, не смея поднять взгляд. Мокрая тряпка ёрзала по плитке, оставляя влажный след. Шаги становились всё громче, и вот дверь открылась. Пахнуло пылью дорог, морозной хвоей, мускусом и грушами.

Тяжёлые сапоги прошли мимо меня в каком-то полуметре. Я видела только их. Забрызганные грязью, с подковами на каблуках. Они прошли дальше, к окну, потом развернулись, и я услышала, как скрипнуло кресло, принимая вес владельца.

Тишина.

Я продолжала мыть. Тряпка по камню, выжать, снова тряпка по камню.

Его взгляд я чувствовала физически, будто кто-то положил раскаленную ладонь мне между лопаток.

Воспоминания Марион услужливо подсунули картинку: в такие моменты она поднимала голову, смотрела ему прямо в глаза и говорила что-нибудь такое, от чего у него начинала биться жилка на виске.

«Скучала, генерал. Тут без тебя тоска смертная.». Или: «Как столица? Надеюсь, там хоть кто-то сдох, пока тебя принимали».

Она всегда зубоскалила. Всем. Ему особенно.

Я продолжала молча тереть пол.

Домыла последнюю плиту, выжала тряпку, положила в ведро. Медленно встала, чувствуя, как хрустнули колени и спина отозвалась тупой, гудящей болью. Подняла ведро. Повернулась к двери.

— Стоять.

Его голос прозвучал низко и совершенно ровно. От этого спокойствия меня пробрал озноб, будто от затылка до пояса провели ледяным пальцем.

Я замерла и медленно обернулась.

Он сидел в кресле у окна, подперев висок пальцами. Смотрел на меня устало и очень внимательно. Как человек, который проехал верхом много дней и вымотался до предела, но всё равно не упускает ни одной детали.

Вблизи он выглядел иначе, чем в воспоминаниях Марион. Те были отравлены злобой, искажавшей образ, словно кривая линза. Сквозь неё Деймар казался карикатурой. Тупая военная скотина, которую так весело дразнить. Сейчас, без этого фильтра, я видела просто мужчину лет тридцати пяти, с тёмными кругами под глазами и жёсткой складкой у рта. Тяжёлая челюсть, глубоко посаженные глаза, тёмные волосы, стянутые в хвост.

Его взгляд скользнул по мне сверху вниз: серое платье, чёрные от сажи руки, ободранные пальцы, мокрые колени. Потом вернулся к лицу. Брови чуть сдвинулись.

— Сапоги, — сказал он и кивнул вниз.

Я посмотрела на его сапоги. Забрызганы грязью до середины голенища, комья глины в подковах, мокрые следы от двери до кресла. На полу, который я только что вымыла. Ну конечно.

Злость вспыхнула короткой искрой и тут же погасла. Потому что злиться на человека, у которого ты убила невесту, брата и молодых драконов из его гарнизона, по меньшей мере нелепо. Даже если формально убивала другая, а ты просто заперта в её теле.

Я подошла. Поставила ведро рядом с креслом, опустилась на колени, выжала тряпку и начала методично оттирать левый сапог. Кожа была хорошей, плотной — из тех, что стоят целое состояние. Грязь успела присохнуть и отходила тяжело. Приходилось тереть с нажимом, и разъединенные щёлоком пальцы горели при каждом движении.

Я тёрла и молчала.

Он тоже молчал. Полминуты. Может, минуту. Я чувствовала его взгляд на макушке и просто старалась дышать ровно.

— Что натворила? — спросил он тем же ровным, спокойным голосом.

Я продолжала тереть сапог.

— Молчишь, — он произнёс это с лёгким удивлением, почти незаметным, но я уловила, потому что годы расшифровок научили меня слышать микротона. Лёгкое повышение

на последнем слоге. Интерес. Настороженность.

Я перешла к правому сапогу.

Он наклонился вперёд. Я почувствовала движение воздуха, и волосы на затылке встали дыбом. Его лицо оказалось ближе, и я видела боковым зрением тёмную ткань рубашки, расстёгнутый ворот, жилу на шее, которая билась ровно и медленно.

— Тебя Гриэль кочергой отходила, а ты молчишь, — он говорил тихо, задумчиво, будто размышлял вслух.

Я выжала тряпку в ведро. Вода стала бурой от грязи.

Марион бы сейчас вздернула подбородок, поймала его взгляд и бросила: «Соскучился по моему голосу, генерал? Польщена». С неизменной улыбочкой, от которой у генерала зубы скрипели.

Я, Вера, была бесконечно далека от этой улыбки.

Но и молчать дальше означало нарываться на другие вопросы. Вигрид заметила. Он заметил. Все замечают, что «Марион» ведёт себя иначе. Каждый час молчания, каждый смиренный взгляд, каждый рабочий день без единой колкости будет поднимать вопросы, на которые у меня самой нет ответов.

Я стиснула зубы и продолжила тереть.

— Смотри на меня, — голос прозвучал жёстче.

Я подняла голову.

Мне пришлось выскрести все остатки самообладания, собрать каждую секунду тех трёх лет, когда я дежурила у ма-

миной кровати и заставляла себя улыбаться, пока внутри всё рвалось. Только это помогло встретить его взгляд и вынести то, что я там увидела.

Ненависть. Глубокая, застарелая, въевшаяся в кости. Она мерцала в его глазах жаркими углями, готовыми вспыхнуть от одного неосторожного вздоха. И тонкий слой усталости поверх, который не скрывал ровным счётом ничего.

Я смотрела на него, он не отводил глаз.

— Даю шанс начать первой.

Я сглотнула вязкую слюну.

— Мне нечего сказать.

В комнате повисла мертвая тишина. Лицо генерала осталось непроницаемым, но в зрачках поднялось это. Концентрированная, первобытная жажда убийства. От одного его взгляда меня вдавило в мокрый пол.

Память ударила под дых. В прошлый раз, когда он смотрел так же, Марион пыталась залезть к нему в постель. Скинула платье, потянулась к губам. Он не стал ни кричать, ни бить, но сделал еще хуже — просто взял её за шею и швырнул в горящий очаг. Прямо на раскаленные дрова.

Я судорожно втянула воздух. В носу засел фантомный запах паленых волос.

Ну и что мне делать? Молчать? Для него молчание Марион Ворн — верный признак засады. Значит, она что-то задумала. Зубоскалить? Я физически на это не способна. В своей настоящей жизни я находила хлёсткие ответы только спустя

полчаса после ссоры, и те составляла стоя под душем.

А что если просто... сказать?

Тупая, самоубийственная мысль. Сразу вспомнилась соседка по больничной палате, которая всем доказывала, что её документы подменили, а сама она балерина из Петербурга. Санитары кивали и молча вкалывали успокоительное.

Но я всё равно открыла рот.

— Я... это... — я запнулась, сглотнула. — Я знаю, как это прозвучит. Но я... в общем. Я не Марион. Вернее, я в ее теле, но... Всё, что она делала раньше... Это не я... я другой... человек.

Голос сел, фраза скомкалась. Вышло жалко, как у больного, забывшего все симптомы на приеме хирурга перед жизненно важной операцией.

Он смотрел на меня безо всякого выражения. Каменный монолит.

Затем медленно встал и выпрямился, и я вжалась в пол. Стоя он оказался ещё массивнее, ещё страшнее, поглотив меня своей тенью.

Удар тяжелого сапога.

Полное ведро пролетело полкомнаты и с грохотом впечаталось в стену. Грязная лужа окатила камень и край стола. Лязг металла резанул по нервам.

Я невольно вжала голову в плечи.

Он навис надо мной. Близко. Достаточно, чтобы я ощутила его пугающе спокойное дыхание.

— Если ты, — его голос превратился в тихий шёпот, от которого пробирал могильный ужас, — ещё раз понесешь эту чушь, я отрежу тебе язык. И брошу его в камин. Поняла?

Я молчала, вжав голову в плечи.

— Поняла? — чуть громче.

— Да, — выдавила я.

— И уясни, что новая уловка, какой бы безумной она ни была, ничего для тебя не изменит.

Он отошёл к окну. Встал спиной ко мне. Я видела, как напряжены его плечи под тканью рубашки, как тяжело он дышит, сдерживая то, что рвалось наружу.

Надо уходить. Прямо сейчас.

Я поднялась на ноги, которые тряслись так, что пришлось на секунду опереться о кресло. Подобрала ведро, вмятое с одного бока. Быстро собрала тряпкой воду с пола, стараясь двигаться как можно тише. Чувствовала на себе его взгляд, хотя он стоял ко мне спиной. Но такие люди, я уверена, умеют смотреть затылком.

Коридор встретил меня прохладой и полумраком. Я прикрыла за собой дверь и прислонилась к стене, прижав ведро к груди. Ноги подгибались. Руки тряслись. Сердце колотилось так, что я чувствовала пульс в висках.

Ладно.

Ладно, Вера. Вариант «я другой человек» отпадает. Язык мне пока дорог, и терять его в камине не хочется. Значит, будем молчать. Молча работать, молча терпеть, молча выжи-

вать. Привычная, в общем-то, программа. Всю жизнь этим занималась.

Я оттолкнулась от стены и пошла по коридору.

Шаги. Быстрый, легкий перестук каблучков.

Из-за поворота вышла женщина, и я автоматически прижалась к стене, пропуская, потому что коридор был узким и двоим тут было тесновато.

Она остановилась.

Высокая, стройная, с тёмными волосами, уложенными в сложную причёску, и платьем из ткани, которая даже в полумраке коридора переливалась. Красивая.

— О, — она окинула меня взглядом сверху вниз, и на губах появилась улыбка. Ленивая и снисходительная, как у кошки, которая смотрит на полудохлую мышь. — Принцесса Шейвера собственной персоной. Какой... живописный вид. Сажа тебе идёт, Марион. Подчёркивает цвет глаз.

Память Марион мгновенно подбросила имя и суть. Вивиан Тард. Фаворитка Деймара. Вернее, любовница, хотя сама Марион называла её куда грубее. Вивиан жила здесь уже несколько лет, занимала комнаты вплотную к генеральским и при любом удобном случае напоминала о том, что она спит в мягкой постели Деймара, а Марион драит под ней полы.

Марион обычно в ответ говорила что-нибудь настолько ядовитое, что Вивиан потом полдня ходила с красными пятнами на щеках.

Я молча посторонилась, давая ей пройти.

Девушка удивлённо приподняла бровь. Ждала. Секунду, две. Улыбка чуть дрогнула, потеряв уверенность.

— Что, язык проглотила? — она склонила голову. — Или Деймар, наконец, вправил тебе мозги?

Мне было всё равно.

По-настоящему, абсолютно, космически всё равно. Я только что стояла на коленях перед человеком, который пообещал отрезать мне язык, и мыла ему сапоги. Женщина в красивом платье, которая пытается меня задеть, в данной ситуации выглядела, как комар на фоне лесного пожара.

— Пропустите, пожалуйста, — сказала я тихо и прижалась к стене плотнее, чтобы она могла пройти.

Вивиан моргнула. Открыла рот, закрыла. Посмотрела на меня так, будто у меня выросла вторая голова. Кажется, слово «пожалуйста» в лексиконе Марион не числилось в принципе.

Потом фыркнула, вздёрнула подбородок и прошла мимо, обдав запахом чего-то цветочного. Каблучки зацокали дальше по коридору, к дверям генерала.

Я подождала, пока звук стихнет, и пошла вниз.

Ступени лестницы, стёртые по центру за сотни лет.

Склизкий от сырости камень стен. Я цеплялась за кладку свободной рукой, намертво прижав к ребрам изувеченное ведро. Гудели колени, спина горела тупой болью.

А где-то внутри, пробиваясь сквозь страх и глухую усталость, пульсировало осознание: это ведь только первый день.

Вигрид стояла у подножия, будто караулила.

— Генерал прибыл, — сказала она, хотя это и так было очевидно. — Ты его видела?

— Да.

— И?

— Сапоги почистила.

Вигрид посмотрела на меня долгим, оценивающим взглядом. Потом на помятое ведро. Потом снова на меня.

— Странная, — произнесла она с лёгким удивлением. — Ну, хорошо. Ведро на место. И дуй в зверинец. Рашши пора поить, а Борг занят.

— Рашши? — вырвалось у меня раньше, чем я успела прикусить язык.

Вигрид нахмурилась.

— Ты чего? Каждый вечер поишь, а тут «рашши?». Кочерга память отшибла? Нижний двор, за кузней. Бочка у входа, как всегда. И давай побыстрее, Борг злится, когда ты задерживаешься, они потом всю ночь воют.

Каждый вечер. Каждый.

Воспоминания Марион услужливо развернули картинку, и у меня свело желудок.

Да. Каждый вечер.

Это её постоянная обязанность, как полы и прачечная. Спуститься в нижний двор, напоить шесть рашши и вернуться. Звучит просто. Только рашши, боевые гончие драконьих заводчиков, ростом мне до груди, с двойным рядом зубов и

ядовитой слюной, каждый вечер пытались откусить руки. И каждый вечер откусывали. Или прокусывали. Или рвали.

Яд в их слюне вызывал такую боль, что Марион в первый раз потеряла сознание прямо у клетки. Потом привыкла. Если слово «привыкла» вообще применимо к ситуации, когда тебя кусает тварь с двойными челюстями и тебя заливают жидким огнём от кончиков пальцев до плеча. Драконья кровь справлялась с ядом за несколько минут, нейтрализовала, выжигала, оставляя только дикую слабость и ноющую боль в костях. А раны затягивались.

И завтра всё сначала.

Я стояла на лестнице и чувствовала, как ноги наливаются ватной тяжестью. В моих книжках попаданкам доставались ручные демоны и дружелюбные фамильяры. Мне достались ядовитые собаки-ящерицы, которые каждый вечер будут жрать мои руки.

И Марион это терпела. Терпела, хотя была гордой, бешеной, плевала в лицо стражникам и зубоскалила генералу. Терпела, потому что однажды отказалась работать.

Воспоминание всплыло само, окатив спину ледяным ознобом. В первые месяцы плена Марион отказалась стирать бельё. Стояла посреди кухни со скрещенными руками и скалилась в лицо экономке.

Генерал не нанёс ей ни одного удара. Считал это ниже своего достоинства. Он просто отдал приказ приковать её цепями к артефакту силового поля, державшему купол над зам-

ком.

Марион провисела на цепях трое суток.

Артефакт тянул из неё жизнь. Вытягивал глубинную силу из костей, словно выдирали жилы по одной через кожу. Регенерация стала врагом. Артефакт жрал драконью магию, а тело отчаянно пыталось её восстановить. Оно надрывалось, выгорая заживо, чтобы тут же снова отдать всё до капли. У этой пытки не существовало дна.

Когда её отцепили, Марион ползла по полу на четвереньках и скулила, как животное. Ещё две недели её трясло при любой попытке поднять глаза на купол.

Больше она не отказывалась работать. Зубоскалить продолжала, потому что молчать для неё было невыносимо. Да и нравилось ей видеть, как люди бледнеют от ярости. Иногда кто-то и руку не гнушался приложить, но это Марион тоже нравилось. Она наслаждалась тем, что вытаскивала их гниль наружу. Делала их теми, кем была сама. Не поддавался только генерал. После того случая с камином он вообще перестал к ней прикасаться, а сама Марион уже познала артефакт. С ним ей оставалось только зубоскалить.

Ох... Чем дальше в лес, тем страшнее сказка.

Я спустилась во двор. Небо затягивало вечерней серостью. Воздух пах дымом и кислым железом — кузня ещё работала. Голый по пояс кузнец мерно бил молотом по наковальне, высекая в сумерках снопы оранжевых искр.

Сразу за кузней начинался нижний двор, обнесённый ка-

менной стеной в полтора человеческих роста. Запах ударил в лицо раньше, чем я увидела барак. Тяжелый звериный дух вперемешку с прокисшей гнилью. Я попыталась дышать только ртом, но к горлу всё равно подступил ком.

У входа стояла деревянная бочка на тележке, рядом ведро и черпак. Борг оставил всё как обычно.

Я подкатила бочку к жёлобу, проложенному вдоль стены барака. Каменный, разделённый на секции, по одной на клетку. Отверстия заткнуты деревянными пробками.

Стоило подойти к первой клетке, из глубины раздалось низкое, утробное рычание, от которого у меня завибрировали рёбра. Буквально. Звук был такой частоты, что отдавался в грудной клетке, как бас из колонки в ночном клубе, куда я сходила один раз на первом курсе и зареклась на всю оставшуюся жизнь.

В клетке шевельнулось серое, массивное, и жёлтые глаза блеснули в полумраке. Рашши подошла к решётке. Здоровенная тварь, с плоской мордой и мелкой чешуёй, тускло-серой, как мокрый камень. Безволосая, мускулистая, с длинными лапами и когтями, которые оставляли борозды на полу. Из пасти торчали зубы, верхний ряд и нижний, и слюна свисала длинными нитями, густая, желтоватая.

Ядовитая.

— Тише, — сказала я. Голос дрогнул.

Рашши рыкнула громче. В соседних клетках зашевелились, загремели когтями по камню. Одна ударила лапой по

решётке, и железо загудело.

Я зачерпнула воды, подошла к жёлобу и вытащила первую пробку. Чтобы это сделать, пришлось просунуть руку в щель между стеной и решёткой, узкую, но достаточную для кисти. Воспоминания Марион подсказывали: именно в этот момент они обычно кусают. Пробка сидела туго, пальцы соскальзывали, и я ковырялась, ковырялась, и рашши за решёткой следила за моей рукой, склонив голову, как собака, которая ждёт, когда хозяин уронит кусок со стола.

Пробка выскочила. Вода хлынула в секцию. Рашши бросилась к поилке и начала лакать, жадно её разбрызгивая. Рычание прекратилось. Я отдернула руку и выдохнула.

Вторая клетка. Третья. Тот же монотонный алгоритм: подкатить бочку, зачерпнуть, подойти к прутьям, выдернуть пробку, вылить, отшагнуть. На четвёртой клетке я позволила себе расслабиться.

Грубая ошибка.

Пятая рашши оказалась крупнее остальных и быстрее. Я потянулась к пробке, и в ту же секунду морда метнулась к щели, челюсти клацнули, и двойной ряд зубов сомкнулся на моём предплечье.

Я закричала.

Боль была такой, словно руку окунули в кипяток и одновременно проткнули десятком раскалённых игл. Зубы вошли глубоко, пробив кожу и мышцы. Я почувствовала, как они скрежешут по кости. Рашши дернула головой, пытаюсь

вырвать кусок. Руку прострелило от пальцев до плеча, и мир перед глазами стёрся в белое пятно.

А потом подействовал яд.

Он хлынул в кровь, как кипяток. Жидкий огонь побежал от раны вверх по руке — к плечу, шее, голове. Боль стала такой, что я оглохла от собственного крика. Мир сузился до одной раскалённой, пульсирующей точки. Я рванула руку на себя. Рашши довольно разжала челюсти и отступила вглубь клетки, облизываясь. Я отлетела к противоположной стене и сползла по ней на землю, прижимая изодранную руку к груди.

Кровь хлестала из прокусов, заливая серое платье. Боль накатывала волнами. Горячий, тошнотворный яд растекался по телу. Меня скрутило так, что я сложилась пополам, уткнувшись лбом в колени.

Минута. Может, две. Или вечность.

А потом что-то сдвинулось. Глубоко в венах включился древний, безотказный механизм. Жар начал отступать — тяжело, со скрипом, будто пламя заливали водой. Яд выгорал. Слепящая агония откатилась до терпимой боли. Кровь перестала хлестать, потемнела и превратилась в густую пасту. Края прокусов поползли навстречу друг другу. Мясо стягивалось прямо на глазах. Это было настолько неестественно и жутко, что я отвела взгляд.

Осталась слабость. Тяжёлая, ватная, как после высокой температуры, когда тело весит втрое больше обычного и

каждое движение даётся через силу. И тупая, ноющая боль в костях, будто их набили битым стеклом.

Я сидела у стены, прижимая руку к груди, и ждала, пока перестанет кружиться голова. Рашши в клетках притихли. Пятая, та, что укусила, лакала воду из поилки, которую я всё-таки успела наполнить, потому что пробку выдернула за секунду до укуса. Лакала спокойно, сыто, будто ничего особенного не произошло.

Для неё и правда ничего. Она делает это каждый вечер. Кусает, впрыскивает яд, отпускает. А завтра рука снова целая, и можно кусать опять.

Шестая клетка. Последняя.

Я заставила себя подняться. Ноги ходили ходуном. Изувеченная рука налилась свинцом, оттягивая плечо, хотя края прокусов почти сошлись. Подошла к клетке, зачерпнула воды, вытащила пробку. Рашши в углу даже не шелохнулась. Мелкая, с тусклой шелушащейся чешуёй и впалыми боками. Больная или старая. Она приоткрыла один жёлтый глаз, посмотрела на меня и снова закрыла.

Я заткнула пробку, вернула бочку на место, убрала ведро и черпак. Правая рука работала еле-еле, пальцы слушались через раз, и каждое движение отдавалось тупой болью в кости.

Я вышла из нижнего двора, и вечерний воздух, пахнувший дымом и сыростью, показался мне почти свежим после звериного смрада. Прислонилась к стене кузни и постояла, пе-

режидая головокружение. Кузнец покосился на меня, на мою окровавленную руку, на бледное лицо, и отвернулся обратно к наковальне. Привычное зрелище, видимо.

Я поднялась обратно. Вигрид ждала у кухни.

— Напоила?

— Да.

— Все шесть?

— Все.

Она посмотрела на мою руку. На пропитавшийся кровью рукав платья. Ни удивления, ни сочувствия. Только деловитая оценка, словно она мысленно ставила галочку в списке.

— Пятая?

— Пятая, — подтвердила я.

— Всегда пятая, — Вигрид хмыкнула. — Ладно, жри и иди мойся. Утром снова полы.

Кухня. Та же серая пресная каша, что была на обед. Хлеб. Вода со вкусом ржавчины. Я закидывала в себя еду, и тело всасывало её без остатка. Запущенная регенерация потребляла калории.

Напротив сидел старик в заляпанном фартуке. Из местных. Он жевал молча, мазнул по мне взглядом лишь однажды и потерял всякий интерес. Я была для него просто предметом интерьера.

Мыться оказалось роскошью, которую переоценить было сложно. Узкая подвальная комната, каменный жёлоб, бочка ледяной воды и кусок бурого мыла. Но после грязи, крови и

звериной вони это было настоящей наградой. Я остервенело тёрла кожу и смотрела, как по камню стекают грязные разводы. Ожоги щипало от щёлочи, свежие ссадины горели. Мне было всё равно.

Я стояла в холодной воде и думала.

Факт: сказать правду не вышло. Ожидаемо. Пытаться было глупо, но иначе эта мысль грызла бы меня изнутри. Теперь я попробовала. Получила предельно ясный ответ про язык и камин. Принято.

Факт: все ждут от меня поведения Марион. Оскала, провокаций, яда. Если я продолжу молчать и быть смирной, это вызовет вопросы. Деймар и Вигрид уже удивились. Скоро удивятся остальные. Кто-нибудь обязательно решит проверить, что случилось с Ворн. Маги тут есть, клеймо на шее — отличное тому доказательство.

И, возможно, мне это только на руку. Пусть задают вопросы. Пусть копаются в голове своей магией и увидят, что я — не она. Что в этом теле чужая душа, которая ничего им не сделала. Если поймут — может быть, отпустят?

Холодная, бессмысленная надежда. Допустим, отпустят. Вышвырнут за ворота. Куда я пойду? В чужой, враждебный мир, где я не знаю даже названий городов? Без единой монеты, без связей, с лицом женщины, которую многие мечтают разорвать на куски?

Факт: мне нужна стратегия. Любая.

Я вылезла из жёлоба и натянула чистую рубаху прямо на

мокрое тело. Грубая ткань облепила влажную кожу. Я поёжилась от холода, но он был терпимым. После химиотерапии вообще всё становится терпимым.

Дорога к каморке лежала мимо коридора верхних покоев. Оттуда донёсся женский смех — мягкий, приглушённый стенами. Вивиан. И низкий, неразборчивый мужской голос.

Я отвернулась и пошла к себе.

Каморка. Каменные стены. Узкое окно-бойница под потолком, через которое сочился тусклый вечерний свет. Жёсткий матрас, пропахший плесенью. Я легла, и тело, которое весь день работало на пределе, обмякло мгновенно, как будто из него вынули все кости разом.

Я лежала и смотрела в потолок.

Завтра снова полы, потом камины, затем прачечная. Потом зверинец. И послезавтра. И через неделю. И через месяц. Тело будет заживать, и его будут ломать снова и снова. Бесконечный круг. Уроборос.

Я повернулась на бок, подтянула колени к груди и закрыла глаза.

В моих книжках попаданка в первую же ночь разрабатывала хитроумный план. Очаровать героя, найти союзника, снять проклятие, доказать свою невиновность. Через пять глав она уже пила чай с герцогиней и примеряла платье на бал.

У меня был личный враг, щёлочные ожоги и шесть голодных рашши в нижнем дворе.

Мама сказала бы:

«Верочка, утро вечера мудренее».

Мама всегда так говорила.

Глава 4

Вигрид явилась до рассвета. Дверь снова грохнула о стену, и я дёрнулась на матрасе, хватая ртом воздух, ещё погружённая в какой-то мутный сон, который рассыпался при первом же звуке, оставив после себя только тревогу.

— Полы в южной галерее, потом кухня. Котлы почишь, вчера пригорело. Потом бельё в прачечную. — Вигрид загибала толстые пальцы, стоя в дверном проёме, как бригадир на стройке. — После ужина спустишься на плац и вымоешь борты по всему периметру. Учения к тому времени закончатся, там уже точно никого не будет. Давай, поднимайся.

Я сидела на кровати, моргая, и пыталась сообразить, какой день. Второй? Третий? В голове была каша. Тело неприятно ныло, боль уже стала фоном, как шум кондиционера: перестаёшь замечать через пару часов, но стоит его выключить, и тишина оглушает.

— Борты? — переспросила я.

— Каменные ограждения по периметру плаца. — Вигрид посмотрела на меня, как на собаку, которая третий раз промахивается мимо миски. — Ты их каждый месяц моешь. Кочерга тебе точно мозги отшибла. Шевелись.

Южная галерея оказалась длинной каменной кишкой, продуваемой сквозняком, от которого стыли уши, а пальцы

деревенели, стоило отнять их от тряпки хотя бы на минуту. Я ползала на коленях, тёрла плиту за плитой, и тело работало на автомате, повторяя вчерашний ритм: намочить, потереть, отжать, переползти. Этот ритм убаюкивал.

Стоило сбиться и остановиться, как в паузу немедленно влезали воспоминания Марион, одно гаже другого. И приходилось тереть быстрее, вжимая тряпку в камень, чтобы заглушить чужой голос в голове.

Мне бы дневник. Записывать, что болит утром, что болит вечером, какая работа на сегодня, когда регенерация справляется быстрее, а когда медленнее.

Составить таблицу. Записать время, тип повреждения, продолжительность восстановления. Расписание пыток, отформатированное и подшитое. Профессиональная деформация расшифровщицы, когда хочется всё задокументировать и разложить по полочкам, даже если полочки горят, а документы написаны кровью.

Котлы на кухне были здоровенные, чугунные, с толстым слоем пригара, вьевшимся намертво. Я скребла их железной щёткой, упираясь ногами в каменный пол, а чугун скрежетал так, что сводило зубы.

Пригар отходил жирными чёрными кусками, и от запаха горелого сала к горлу подступала тошнота. К середине второго котла я поняла, что запястье правой руки опухло и пальцы слушаются через раз.

Щёлок в прачечной снова сожрал кожу на пальцах. Те же

каменные жёлоба, та же ледяная вода, та же гора солдатских плащей — тяжёлых, пропахших потом и грязью.

Я стирала, выжимала, перекладывала, и подушечки пальцев горели, будто их прижимали к раскалённой сковороде. Знакомое ощущение. В больнице, после третьего курса химии, у меня слезала кожа на ступнях. Медсестра мазала их чем-то жирным, а я сидела с задранными ногами, как клоун в цирке, и думала, что ничего хуже в моей жизни уже точно не случится.

Ошибалась. Но тогда я просто не представляла, что можно переселиться в чужое тело в абсолютно незнакомом мире.

Рябая женщина с выбитым зубом, моя соседка по жёлобу, снова демонстративно отвернулась. Вторая, тихая, с красными от щёлока руками, бросила на меня один короткий взгляд. Я заметила, как дрогнули её губы.

На кухне перехватила свою серую кашу. Ложка стучала о зубы, потому что челюсть подрагивала от усталости. Каша была пресной, безвкусной, похожей на размокший картон. Но организм требовал, и я закидывала в себя ложку за ложкой, уговаривая желудок принять каждую порцию.

Как в детстве, когда болела. Лежала с высокой температурой и есть совершенно не хотела, а мама давала бульон чайной ложкой и тихо говорила: «Давай, Верочка, еще одну. Еще немножко»

Мамин голос в голове звучал всё тише. Или мне казалось. Я цеплялась за него, как за спасательный круг посреди чёр-

ной бушующей воды.

После ужина тело гудело. Каждый сустав, каждое сухожилие, каждая мышца просили передышки. Колени сгибались с хрустом. Спина от поясницы до лопаток превратилась в одну сплошную тупую боль, к которой я уже почти привыкла.

Рашши.

Шесть клеток. Бочка. Черпак. Жёлоб.

Алгоритм тело запомнило быстро. Подкатить, зачерпнуть, пробка, вода, отступить. Руки двигались сами, по инерции.

Первая клетка. Вторая. Третья. Рашши лакали, рычали, скребли когтями по камню, но держались в глубине, и я успевала отдёргнуть руку до того, как они добирались до решётки.

Четвёртая. Пятая.

Пятая, крупная, с жёлтыми глазами. Я подошла к щели, и тварь метнулась к решётке, кляцнув зубами в сантиметре от моих костяшек. Я отпрянула, подождала, следя за ней боковым зрением. Рашши рычала, плоская морда прижималась к прутьям, слюна свисала длинными желтоватыми нитями.

Я выждала, пока она отступит к дальней стенке, и быстро, одним рывком, выдернула пробку. Вода хлынула. Рашши бросилась к поилке, задев мою руку когтями на отходе. Три длинные борозды вспухли на тыльной стороне ладони, содрав кожу до мяса. Я отшатнулась, прижимая руку к груди. Кровь потекла по пальцам, и слабый тлеющий жар прокатился от костяшек к локтю и погас. Яд попал, но мало.

Капля. Тело справилось за секунды, погасив ожог, будто задули спичку.

Повезло. Относительно, конечно. Но я готова была принять любое везение, даже такое, которое измеряется в количестве целых пальцев к концу вечера.

Шестая клетка. Мелкая рашши с тусклой шелушащейся чешуёй и впалыми боками. Она все так же лежала в углу, и у неё не было сил даже поднять голову от пола. Открыла один жёлтый глаз, мутный и усталый, посмотрела на меня и снова закрыла.

— Хорошая девочка, — прошептала я, вытащив пробку. Голос был чужой, хриплый, севший от сажи и холодного воздуха. Рашши дёрнула ухом — если этот плоский хрящевой лоскут можно называть ухом — и осталась лежать.

Я убрала бочку. Костяшки саднили, кровь подсыхала тёмной коркой. К утру затянется. К утру всегда затягивается. И от того, что эта мысль, появившаяся всего два дня назад, уже стала привычной, мне делалось по-настоящему страшно.

Плац.

Вигрид сказала, что к вечеру там будет пусто. Вигрид ошиблась.

Я вышла из-за кузни, волоча ведро с мыльной водой и щётку на длинной ручке, и замерла. Плац был залит светом факелов, воткнутых в железные держатели по периметру, и на нём двигались люди. Много. Два десятка, может, больше. Солдаты. Они работали в парах, с короткими тупыми клин-

ками, которые глухо лязгали при каждом столкновении.

Тренировочные, сообразила я, разглядев затупленные лезвия и отсутствие острых кромок. В воздухе висел звон металла, тяжёлый топот, хриплые выдохи и отрывистые команды.

У дальней стены, привалившись плечом к каменному борту, стоял Деймар. Руки скрещены на груди, плащ откинут за спину.

Уйти? Вернуться? Сказать Вигрид, что плац занят?

Я мысленно услышала её голос, и он был настолько отчётливым, что я даже моргнула: «И чего встала? Тебе борты мыть, а им тренироваться. Ты кому мешаешь, дурья башка? Шевелись». Примерно так. Может, даже дословно.

Борты тянулись вдоль стен. Каменные ограждения по пояс, серые, заросшие какой-то зеленоватой дрянью и забрызганные грязью. Мне хватало места у самого края, далеко от бойцов. Я могла мыть и оставаться незаметной.

Обошла плац по дальнему краю, поставила ведро у первого борта и начала скрести. Щётка царапала камень, мыльная вода стекала по ограждению, и этот звук тонул в лязге и топоте. Моя работа здесь имела примерно столько же значения, сколько жужжание мухи под потолком.

Бой шёл жёсткий. Я видела это даже боковым зрением, старательно отведённым от центра плаца. Солдаты вкладывались в каждый удар так, будто от результата зависела их жизнь. А может, и зависела — я ведь понятия не имела, как

устроены тренировки в армии драконов.

Тупые клинки при такой силе могли запросто переломать рёбра. Один из бойцов, здоровенный, с квадратной челюстью и плечами, в которые можно было уместить меня целиком, пропустил удар в бок и отлетел на три шага, выругавшись так, что интонация была понятна без перевода. Его противник, жилистый, с черными волосами и быстрыми злыми глазами, тут же шагнул следом, дожимая.

Я отвернулась к борту. Скребла. Камень, мыло, вода. Камень, мыло, вода.

Тело ныло. Колени горели от контакта с камнем, сырость пропитывала тонкую ткань платья. А в голове была вата. Мягкая, душная, глухая как в больничной палате после капельницы, когда мир становится далёким. Ты вроде бы здесь... вон стул, вон окно и потолок, а сама ты где-то очень далеко, и расстояние это измеряется усталостью.

Грохот. Крик.

Я обернулась за долю секунды до удара.

Тело прилетело сбоку — огромное, тяжёлое, мокрое от пота — и впечатало меня в каменный борт с такой силой, что в груди что-то хрустнуло, а мир дёрнулся, перекосясь и поехал набок. Ведро отлетело, веером разбрызгивая мыльную воду по плитам. Я попыталась вдохнуть, и в этот момент в живот вошло что-то тупое и горячее.

Глубоко.

Ощущение было такое, будто внутрь засунули раскалён-

ный прут и медленно провернули. Я посмотрела вниз. Тренировочный клинок, тупой, затёртый до матового блеска, торчал из моего живота чуть ниже и левее пупка. Серая ткань платья вокруг него темнела быстро и жадно, расплзаясь бурым пятном.

Солдат, тот самый квадратнолицый, навалился на меня всем весом. Его локоть упирался мне в плечо, а глаза смотрели куда-то мимо.

Потом он опустил взгляд. Увидел клинок. Увидел кровь, потёкшую по его руке, по рукоятке, по запястью.

И дёрнул на себя.

Вышло хуже, чем вошло. Металл прошёл сквозь мясо с влажным чавкающим звуком. Я осела, сползая по мокрому камню, и прижала обе ладони к животу. Между пальцами хлынуло горячее, густое, и серое платье начало прилипать к коже, пропитываясь насквозь.

Солдат выпрямился. Посмотрел на окровавленный клинок, потом на меня. На его лице мелькнула брезгливость, короткая и будничная, как у человека, наступившего в лужу в новых сапогах. Он сплюнул рядом с моей ногой. Густо, с оттяжкой. Развернулся и пошёл обратно к своему противнику, перехватив оружие поудобнее.

— Ворн засадил! — крикнул кто-то с другого конца плаца. Голос был весёлый.

Хохот прокатился по площадке, густой, дружный. Кто-то свистнул. Кто-то хлопнул товарища по плечу. Обычная сол-

датская забава, рядовой случай на тренировке, ничего такого.

Я лежала, скрючившись у борта, и прижимала руки к ране. Кровь текла сквозь пальцы, горячая, живая, пропитывая камень подо мной и мыльную лужу. В животе пульсировало рваное, горящее чувство, от которого тело сводило крупной дрожью. Я стискивала зубы до боли в скулах.

Деймар стоял у дальней стены. Я видела его сквозь мутную плёнку, затянувшую глаза. Он повернул голову в мою сторону, и взгляд скользнул по мне так же, как по опрокинутому ведру или трещине в плите. Зафиксировал. Отметил. Потом повернулся обратно к бойцам, произнёс что-то негромко, и двое из них перестроились, сменив пары.

Тренировка продолжилась. Лязг. Топот. Выдохи.

Я закрыла глаза.

Боль приходила волнами, и каждая следующая накрывала плотнее предыдущей. Первая ударила по рёбрам, вторая скрутила живот, третья прокатилась вдоль позвоночника и засела в затылке тупым давящим жаром. Я вцепилась зубами в рукав и мычала в ткань: сил кричать уже не осталось, они кончились где-то между третьим котлом и пятой рашши.

Когда-то давно, в жизни, которая с каждым часом становилась всё более далёкой, я лежала в больничной палате после биопсии, и живот горел похоже. Медсестра принесла обезболивающее, мир стал ватным и мягким, и я смотрела в потолок, уверенная, что ничего хуже той боли мне испытать

уже не придется.

Это было смешно. Вот прямо сейчас, с дыркой в кишках и мордой в мыльной луже, на каменном плацу в мире драконов, в теле садистки, которую заслуженно ненавидит каждый встречный — это было до слёз смешно. Если бы у меня остались силы, я бы рассмеялась.

Время потеряло форму, расплылось, как акварель на мокрой бумаге. Я лежала и чувствовала, как тело пытается собрать себя заново. Глубоко внутри включился тот же древний механизм, что после укуса рашши, только мощнее, потому что повреждения были серьёзнее.

Жар менялся, стягиваясь к ране, и я ощущала, как рваные края мяса ползут навстречу друг другу — медленно, мучительно, с тянущим зудом, от которого хотелось выть. Регенерация перемалывала боль в новую ткань, сжигала калории, высасывала из тела последние крохи энергии, и голод накатил такой, что скулы свело.

В книжках, которые я когда-то читала маме, героини получали магическое исцеление в виде тёплой волны, мягкого света и прикосновения заботливых рук. Приятно и нежно. Мягкая магия, деликатная, с цветочным послевкусием.

Регенерация Марион работала иначе. Она работала как мясорубка, в которую засунули боль и из которой выкручивали мясо. Грубо. Жёстко. Больно. Но результативно.

В какой-то момент я провалилась. Темнота. Тишина. Ни-

чего. Тело отключило сознание, чтобы спокойно заниматься ремонтом тканей. Экономило энергию.

Звуки вернулись. Другие.

Гогот. Голоса, размытые и гулкие. Факелы чадили, бросая рыжие блики на каменные плиты. Я разлепила веки. Небо над плацем было чёрным: россыпь звёзд, ярких и чужих, перечёркнутая тонкой полоской облака. Воздух пах дымом.

Ночь. Я пролежала на плацу несколько часов.

Пошевелила пальцами. Послушались. Прижала ладонь к животу. Ткань платья задубела от крови, стала жёсткой, как кора, но под ней, сквозь рваную дыру, пальцы нащупали гладкую горячую кожу. Рана затянулась. Остался рубец, плотный, болезненный, пульсирующий при каждом вдохе, но внутренности были на месте. Организм залатал себя, пока я валялась в отключке.

Гогот доносился со стороны казармы. Жёлтый свет падал на камень неровными прямоугольниками. Голоса — десяток или больше — переплетались, перебивали друг друга.

— Глянь, шевелится! — заорал кто-то из окна, булькая от хохота. — Очухалась, зараза!

Я попыталась сесть. Живот свело, и я согнулась пополам, упёршись лбом в камень. Боль прокатилась от рубца к рёбрам и обратно. Пережидала, стиснув зубы, считая вдохи, как учила мама. Раз. Два. Три. Четыре. Выдох на шесть.

— Эй, братва, — протянул другой голос, с ленивой сытой ухмылкой, и от этой интонации по затылку, по спине, по все-

му телу прокатился ледяной парализующий ужас. — Может растянем? Чего добру пропадать?

Смех. Свист. Кто-то загоготал, кто-то одобрительно рыкнул. Обычная шутка. Весело, парни, весело.

Я вжалась в каменный борт, обхватив себя руками, и свежезатянутый живот отозвался такой болью, что из глаз посыпались искры. А в голове, ярко и жёстко вспыхнуло воспоминание Марион. Невеста Деймара. Площадь. Солдаты. Толпа. Крик, который перешёл в хрип, а затем оборвался.

Меня затрясло. Мелко, часто, от затылка до пяток. Пальцы впились в ткань платья на предплечьях, и я сжалась, подтянув колени к груди, стараясь стать как можно меньше, как можно незаметнее. Исчезнуть, вдавиться в камень, стать его частью.

— Голову отрублю.

Голос Деймара прозвучал откуда-то со стороны, и гогот обрезало мгновенно. Будто кто-то выдернул шнур из колонки. Тишина. Даже сверчки, казалось, замолкли.

— Кто прикоснётся к этой твари, — продолжил он тем же ровным, будничным тоном, каким обычно говорят «закрой дверь» или «передай хлеб», — лишится головы.

Тишина стояла ещё несколько секунд. Потом кто-то кашлянул. Заскрипела лавка. Голоса вернулись — тихие, приглушённые.

Я сидела, привалившись к борту, и дышала. Просто дышала. Воздух входил в лёгкие с присвистом, выходил с дро-

жью, и я считала вдохи, цепляясь за числа, как за поручень в метро в час пик, когда вагон мотает и ноги скользят.

Он запретил.

Генерал, который мечтал удавить Марион Ворн собственными руками. Чья невеста погибла именно так, от тех самых рук, чей приказ отдала женщина, чьё тело я теперь занимала. Он каждый день смотрел на лицо своей мучительницы и скрежетал зубами.

И он запретил.

Я сидела на холодном камне и перебирала воспоминания Марион, одно за другим. Деймар Кросс ломал её рабством, чёрной работой, ядовитыми рашши, голодом и артефактом. Позволял Гриэль издеваться. Сам швырнул в камин, когда та посмела к нему прикоснуться. Смотрел, как её кусают боевые гончие, и поворачивался спиной. Равнодушно глядел, как солдат засаживает ей клинок в кишки, и продолжал тренировку.

Но один приказ за все эти годы он так ни разу и не отдал. Приказ, который мог восстановить справедливость. Отдать солдатам на расправу. Толпе на потеху.

А ведь он мог. Имел полное право по любому закону этого мира и любому закону войны. Любой на его месте мог бы, и многие ожидали, и кто-то, наверное, даже предлагал — вот как этот голос из окна, сытый и ленивый. А он провёл линию. И каждый раз, когда кто-то к ней подходил, она пользовалась и зубоскалила, зная, что с ней так не поступят.

Я сидела на мокром камне, в задубевшем от крови платье. Встать удалось с третьей попытки. Ноги подгибались, живот при каждом шаге простреливало до грудины, и я шла, держась за стену, касаясь камня кончиками пальцев. Каждый шаг давался через силу, как последние метры дистанции, когда энергия кончилась, а финиш где-то за горизонтом.

Лестница далась тяжелее всего. Ступени плыли, расплываясь в серую полосу, и я поднималась, цепляясь за кладку обеими руками, останавливаясь через каждые три ступени, пережидая головокружение, прислонившись к стене лбом.

Вигрид ждала у кухни. Привалилась к дверному косяку, скрестив руки на груди. Посмотрела на меня. На дыру в платье. На бурые пятна, покрывавшие ткань от груди до подола.

— Это что?

— Тренировка на плацу шла. Солдат на меня упал. С клинком.

Вигрид перевела взгляд на платье. Потом на меня. Потом снова на платье. На её широком красном лице промелькнуло выражение досады, адресованное, судя по направлению взгляда, исключительно одежде.

— Платье было последнее запасное, — сказала она. — Больше выдавать тебе нечего. Носи, что есть.

— Оно в крови.

— Застираешь. И будешь аккуратнее. Нечего под клинки лезть.

Она развернулась и ушла, и подол её юбки шаркнул по

камню. Я стояла в коридоре, прижимая ладонь к животу сквозь мокрую, задубевшую ткань.

Аккуратнее. Обязательно. В следующий раз, когда на меня свалится вооружённый мужик весом в центнер, я вежливо попрошу его целиться мимо. Может, заранее повесить табличку «Осторожно, рабыня моет борт, просьба насаживать на клинок в другом месте»?

Кое-как спустилась в подвал, стянула платье и бросила в жёлоб. Бурые пятна расплылись в воде, окрасив её ржавым. Кусок мыла скользил в пальцах, и я тёрла ткань, вминая её в камень, тёрла и тёрла, и щёлочь жгла кожу, и кровь вымывалась медленно, неохотно, оставляя бледные разводы. Полностью отстирать было за пределами всяких усилий. Дырка осталась дыркой. Пятна остались пятнами. Но хотя бы корка отошла, и ткань перестала стоять колом.

Вода в бочке обжигала холодом. Я облилась, стиснув зубы, и стояла, пока тело привыкало, а привыкало оно долго, содрогаясь мелкой дрожью. Каждый рубец, каждая ссадина, каждый ожог от щёлока горели, и вода стекала по плечам, по рёбрам, по свежему розовому шраму на животе, где еще недавно торчал тренировочный клинок.

Платье натянула мокрым. Ткань облепила тело, и я поёжилась от холода, обхватив себя руками. Ирония судьбы просто. Умерла от болезней и попала в тело, которое никогда этих болезней не знало, зато подвергается ежедневным пыткам.

Мышцы гудели. Кости ныли. Регенерация сожрала все запасы подчистую, и голод скрутил живот тугим узлом, но кухня давно была заперта, а просить еду у Вигрид было бесполезно. Марион много раз пыталась, если пропускала ужин.

Я легла в мокром платье, свернувшись, подтянув колени к груди. Ткань противно липла к коже, и от холода мелко стучали зубы, но встать и снять платье, и лечь голой на плесневелый матрас, и мёрзнуть ещё сильнее... Нет. Пусть сохнет на мне. К утру высохнет. К утру всё всегда как-то устраивается.

Глава 5

Голод после регенерации был звериным. Он выедал меня изнутри, скручивая желудок спазмами, от которых перед глазами плясали чёрные точки. Затянувшаяся дыра в животе забрала остатки энергии, тепло и способность ясно мыслить.

Утром Вигрид пригнала меня во внутренний сад.

— Вычистишь вазоны, — велела она, пнув носком сапога массивную каменную чашу, вырезанную в форме цветка лотоса. Таких вдоль аллеи стояло штук десять. — Воду вычерпать, гниль выскрести, камень оттереть. Горг должен был, да у него спина. К полудню чтобы блестели.

Я вспомнила старого нелюдимого мужчину, который здесь был кем-то, вроде садовника, хотя делал он мало что.

Западный сад оказался каменным двором, зажатым между двумя крыльями замка. Сквозь щели в кладке пробивались корявые побеги чего-то жилистого и цепкого. Вдоль стен стояли вазоны — массивные каменные чаши на тумбах, каждая мне по пояс, настолько тяжёлые, что сдвинуть их с места мог бы разве что бык. Или дракон. Одно и то же, в общем-то.

В вазонах скопилась дождевая вода, застоявшаяся, чёрная, с толстым слоем склизких, перегнивших листьев на дне. Пахла она так, будто кто-то сварил болото, добавилдохлую кошку и оставил настаиваться на солнце пару недель. Я от-

шатнулась, зажмурившись, и пустой с утра желудок подкатил к горлу.

Я опустила на корточки, зачерпнула воду ковшом и вылила в ведро. Одно движение. Второе. На пятом плечи налились свинцом. На десятом в ушах появился тонкий, монотонный звон. Организм работал на пустом баке, сжигая сам себя, чтобы просто поддерживать движение рук.

Я выскребала гниль со дна третьего вазона, когда запах тухлой воды перебил густой, удушливо-сладкий шлейф цветочных духов.

— Ну надо же, — Вивиан остановилась в трёх шагах и сложила руки на груди. — Принцесса Шейвера по локоть в болотной жиже. Какая прелесть. Если бы твой покойный папочка мог тебя видеть, Марион, он бы, наверное, лопнул от гордости.

Я замерла. Руки по локоть в чёрной жиже, подол платья пропитан грязью.

На ней было платье цвета пыльной розы и лёгкая меховая накидка, спасающая от утренней сырости. Она смотрела на меня сверху вниз, и на её красивом лице цвела ленивая улыбка.

— Знаешь, Марион, — она сделала шаг ближе, брезгливо обходя лужу на камне, — я всегда говорила генералу, что твоё место именно здесь. В грязи. Поразительно, как быстро слетает королевская спесь, если человека пару раз макнуть лицом в то, чего он заслуживает.

Я молчала. Продолжала выгребать листья. Мне было физически тяжело держать голову прямо, не то что придумывать хлёсткие ответы. Да и зачем? Для неё я поверженный враг, на котором можно и нужно отрываться всласть, упиваясь своим статусом, пусть и не самым высоким.

— Что, даже не попытаешься меня проклясть? — Вивиан картинно вздохнула. — Как скучно. А я-то надеялась на утреннее развлечение. Говорят, вчера ты ползала по плацу, как раздавленная жаба. Какая жалость, что я этого не видела.

Сидеть на корточках стало невыносимо — затекли ноги, а в икрах начало мелко пульсировать. Я опёрлась грязными руками о край каменного вазона и попыталась встать.

Слишком резко.

Зря.

Кровь мгновенно отхлынула от головы. Мир схлопнулся в одну чёрную, ревущую воронку. Звон в ушах превратился в грохот товарного поезда. Затекшие ноги подломились, как подпорки из мокрого картона. Я не почувствовала, как пальцы соскользнули с мокрого камня, не почувствовала, как тело завалилось вбок. Услышала грохот, а затем ощутила, как ведро с тухлой водой опрокинулось, окатив платье, руки и волосы зеленоватой жижей. Я лежала на камне, в луже болотной воды, и перед глазами плавали тёмные пятна.

Я закашлялась, переворачиваясь на бок и судорожно хватая ртом воздух.

Вивиан звонко расхохоталась.

— Боги, Марион, — она вытерла уголок глаза пальцем, бережно, чтобы не размазать косметику. — Тебе бы выступать на ярмарке. Плата за вход, место в первом ряду. Я бы приходила каждый день.

Я лежала и молчала. Тухлая вода стекала по виску, затекала за ворот, и от запаха мутило. Пятна перед глазами медленно таяли.

— Жалкая, — Вивиан произнесла это уже без смеха, с тихим, сытым удовлетворением.

Каблучки застучали по камням аллеи и стихли вдали.

Я сидела на земле, в луже тухлой воды. С мокрых волос на лицо капала чёрная грязь. В носу жгло. Сердце колотилось где-то в горле, пытаюсь разогнать кровь. Я просто сидела, прикрыв глаза, и ждала, пока мир перестанет вращаться.

Тишина.

Я стёрла грязь со лба тыльной стороной ладони и глубоко вдохнула утренний воздух, пытаюсь перебить тошноту.

Потом подняла голову.

Галерея второго этажа нависала прямо над садом. У каменных перил стоял Деймар.

Он стоял, опершись рукой о каменный откос, и смотрел вниз. На меня. Я не знала, как долго он там находится. Видел ли он только что моё жалкое падение, или слышал слова Вивиан. Но в его взгляде не было ни торжества, ни насмешки, ни удивления.

Только абсолютный, пронизывающий до костей холод.

Взгляд человека, смотрящего на насекомое, которое бьётся в паутине.

Мы смотрели друг на друга несколько долгих секунд. Мои руки дрожали от слабости, с подола стекала грязная вода. Я не стала отводить глаза первой. Просто смотрела в ответ, чувствуя себя абсолютно пустой.

Марионбы подняла голову, поймала его взгляд и улыбнулась. Такой улыбкой, от которой у генерала скрипели бы зубы. Бросила бы что-нибудь хлёсткое, через весь сад, чтобы слышали все.

«Нравится вид, генерал? Могу повернуться другим боком»

Но Марион больше нет. А я просто очень устала. Я хотела, чтобы всё это закончилось: замок, вёдра, генерал, гнилая вода, постоянная боль. Я хотела закрыть глаза и проснуться в своей квартире на Нагорной, или хотя бы в больничной палате, где пахнет хлоркой. Но в голове не было ни одной мысли о том, как заставить этот кошмар прекратиться.

Я молча отвернулась от галереи. Поставила ведро на дно, взяла ковш и снова опустилась на колени у вазона. Спиной чувствуя его ледяной взгляд, я продолжила вычерпывать воду.

Неделя прошла, слившись в одну сплошную, вязкую серую полосу.

Ничего не изменилось. Кажется, Вигрид только находила всё более изощрённые способы выжать из меня последние

капли жизни. Она гоняла меня из конца в конец замка от ледяных подвалов до раскалённых кухонных печей.

По вечерам я едва доползала до своей каморки. Двигалась по стеночке, переставляя ноги из чистого, тупого упрямства. Просто чтобы не упасть и не уснуть прямо на каменном полу в коридоре, потому что там могли наступить, пнуть или вылить помой. Я заставляла себя доходить до плесневелого матраса, падала на него и отключалась раньше, чем успевала закрыть глаза.

Единственное, чему я научилась за эти семь дней — кормить рашши.

Я вызубрила тайминги. Поняла, под каким углом нужно держать руку, чтобы выдернуть пробку и успеть отдёргнуть пальцы до того, как челюсти захлопнутся. Это напоминало ритм-игру на выживание. Пятая рашши, самая агрессивная и юркая, больше ни разу меня не достала. Я убирала руку за долю секунды до того, как её зубы лязгали в пустоте, и тварь недовольно рычала, переключаясь на воду.

Этим вечером я шла вдоль барака с привычным безразличием. Я подошла к шестой клетке. В бочке воды оставалось как раз на одну порцию.

Я занесла руку к пробке и замерла.

В углу, где обычно лежала, свернувшись клубком, мелкая, тихая рашши с тусклой чешуёй, было пусто. Только кусок грязной соломы и голый камень.

— Сдохла она.

Я вздрогнула и обернулась. Борг, старший псарь, стоял позади, вытирая руки о засаленный фартук. Он тяжело крикнул, доставая из-за пояса трубку.

— Как... сдохла? — мой голос прозвучал неестественно хрипло.

— А так, — Борг чиркнул огнем, раскуривая трубку, и выпустил в потолок струю сизого дыма. — Разродилась ночью и подохла. Она давно доходила, только магия её и держала. Выплюнула щенка, да и околела к утру. Убрали уже.

Он сплюнул на землю.

Я смотрела на пустую клетку. На то место, где она всегда лежала, приоткрывая один жёлтый усталый глаз.

В груди что-то болезненно, остро кольнуло. Это было глупо. Это была ядовитая тварь, боевая гончая, которая убивала людей на войне. Но почему-то именно её, тихую, больную, не пытавшуюся меня сожрать, мне было невыносимо жаль.

Мы с ней были странными товарищами по несчастью. Две бракованные единицы в этом замке, доживающие свой век в клетках. Только её клетка была с железными прутьями, а моя — из плоти и костей Марион Ворн.

— А щенок? — тихо спросила я, сглотнув ком в горле.

— Тоже чахлый, — отмахнулся Борг. — Брак. Ни роста, ни чешуи нормальной. Сдохнет следом, скорее всего. Ладно, не стой столбом, забирай бочку.

Я молча покатила тележку к выходу из нижнего двора. Внутри было пусто и тоскливо.

На ужин я шла по центральному коридору первого этажа, машинально прижимаясь к стене. Голова была опущена, я смотрела только на носки своих стоптанных, чужих туфель, считая шаги.

Я не услышала, как он подошёл. Просто в какой-то момент воздух впереди уплотнился, запахло морозом, мускусом и грушей.

Я резко затормозила.

Генерал Деймар Кросс стоял прямо на моём пути. Огромный, в тёмном мундире, он возвышался надо мной, как скала, готовая рухнуть в любую секунду.

Я мгновенно опустила голову ещё ниже. Взгляд упёрся в носки его начищенных до блеска сапог. Дыхание перехватило.

Он не двигался. Застыл, глядя на меня сверху вниз. Я чувствовала этот взгляд макушкой, плечами, лопатками. Он давил, обжигал ледяным холодом. В коридоре повисла такая звенящая, тяжёлая тишина, что я слышала собственное неровное сердцебиение.

Почему он не уходит? Почему ничего не говорит? Чего он ждёт?

Нервы натянулись до предела. Я сделала полшага в сторону, прижалась спиной к камню стены и быстро, почти бегом, прошмыгнула мимо него.

Я не подняла глаз. Но пока я проскальзывала мимо его плеча, я кожей ощущала, как его тяжёлый взгляд перемеща-

ется вслед за мной.

Я ускорила шаг, почти срываясь на бег, и только свернув за угол, рискнула обернуться.

Деймар всё ещё стоял на том же месте. А в трёх шагах от него, у дверей в малую залу, стояла Вивиан.

Она не смотрела на меня. Она смотрела на генерала. И на её лице, обычно таком уверенном и насмешливом, сейчас застыло выражение глубокой тревоги.

Ужин прошел как в тумане. Я механически проглотила свою серую порцию, спустилась в подвал и остервенело терла себя бурым мылом под ледяной водой. Тонкая ткань застиранного платья, которое я натянула прямо на мокрое тело, противно липла к коже.

Когда я уже шла по коридору к своей каморке, сверху, со стороны господских покоев, донесся пронзительный женский визг. За ним последовал оглушительный звон бьющегося стекла и глухой удар. Я даже шага не сбавила. Мне было абсолютно всё равно, кто там кого убивает. Я доползла до своего плесневелого матраса, рухнула на него и мгновенно провалилась в тяжелую, липкую темноту.

Из которой меня выдернули грубым рывком за плечо.

— Вставай, — прорычала Вигрид. В тусклом свете коридорного факела её лицо казалось ещё более красным и злым, чем обычно. — Эта столичная шлюха закатила генералу истерику. Разгромила весь ужин. Бери ведро и иди убирать. Живо.

Я с трудом отодрала себя от матраса. Мокрое платье успело подсохнуть лишь местами и теперь холодило кожу. Мышцы заныли, протестуя против того, что их снова заставляют двигаться, но я молча взяла ведро и побрела наверх.

У дверей генеральских покоев я остановилась, выдохнула и постучала.

— Войди, — донесся из-за двери холодный, ровный голос.

Стол, за которым, судя по всему, был сервирован ужин, стоял перекосившись, одна ножка отъехала. На полу по всей комнате лежали осколки стекла, блестящие в свете камина острыми огоньками. Между ними растеклась жидкость — тёмная, густая, пахнувшая пряностями. Куски еды: мясо, какие-то овощи, хлеб, соус — всё вперемешку, раздавленное, размазанное по каменным плитам. Фарфоровые черепки. Серебряный кувшин, вмятый с одного бока, валялся у стены. Скатерть, расшитая, свисала со стола, заляпанная соусом и чем-то жирным.

Это был ужин. Полноценный, господский, с мясом и посудой, о существовании которой в этом замке я понятия не имела. Как в лучших домах, подумала я, и от этой мысли чуть не прикусила губу до крови. Я ела серую кашу из деревянной миски, а здесь, этажом выше, подавали мясо на фарфоре. И кто-то этим фарфором швырялся.

Я прошла внутрь, стараясь ступать между осколками. Поставила ведро у стены, присела на корточки и начала собирать руками — стекло, черепки, куски мяса, размокший

хлеб, укладывая в ведро кусок за куском.

Стекло хрустело. Острый край вспорол кожу на указательном пальце. Яркая кровь на белой коже выступила мгновенно. Я вздрогнула, сжала губы и продолжила. Через полминуты порезалась снова, на другой руке. Ладонь обожгло, и я молча сжала кулак, пережидая, пока кровь загустеет.

Он смотрел. Наблюдал, как бывшая принцесса ползает в грязи и режет руки о битое стекло. Ну и пусть. Я знала, что мои страдания для него, как бальзам на душу. Пусть наслаждается. В конце концов, Марион всё это заслужила. Да и он тоже заслужил хоть какую-то компенсацию за свой разрушенный мир.

Я собрала последние осколки, подобрала вмятый кувшин, сложила скомканную скатерть, встала, подхватила ведро и вышла, чтобы вернуться с водой и чистой тряпкой.

Генерал переместился. Теперь он сидел в глубоком кресле у пылающего камина, вытянув ноги к огню. Лицо освещено рыжим огнём, тени лежали в глазницах и под скулами, от чего он выглядел старше. В его руке тускло поблескивал бокал с янтарной жидкостью.

Я снова опустилась на колени и начала методично оттирать жирные пятна с пола. Камень поддавался тяжело, приходилось наваливаться всем весом.

— Встань.

Этот голос мне не понравился. Он был низким, хриплым и опасно вибрировал.

Я замерла. Подняла голову и посмотрела прямо в его темные, непроницаемые глаза.

— Зачем? — сорвалось с губ прежде, чем я успела прикусить язык.

Деймар лениво покрутил бокал в руке.

— Встань, Марион.

Его злило одно только произношение этого имени. Оно перекатывалось у него на языке, как битое стекло, которое я только что собрала.

Я медленно поднялась. В руках я инстинктивно сжала грязную, мокрую тряпку, будто она могла спасти меня от дракона. Ерунда, конечно, кусок дерюги ни от чего не спасет, но чисто психологически за ним было как-то спокойнее прятаться.

— Брось это в ведро, — приказал он. — И подойди.

Мне это очень не нравилось. Я бросила тряпку, вода глухо плеснула. Сделала три шага к его креслу и остановилась. Память лихорадочно подкидывала обрывки воспоминаний о том, как он относился к принцессе раньше. Игнорировал. Брезговал. Однажды швырнул в огонь. Но он никогда не разглядывал её так пристально, как сейчас.

Я чувствовала себя максимально неудобно. В комнате было жарко от камина, но меня бил озноб. Тонкое мокрое платье облепило тело, как вторая кожа, не скрывая вообще ничего. Я прекрасно понимала, что именно он перед собой видит.

Марион была изумительно, просто дьявольски красивой. Молочно-белая кожа, настолько нежная, что красные следы на ней оставались, стоило чуть сильнее сжать пальцы. Жгучие, пронзительно-синие глаза. Губы, пухлые, красные как спелая ягода. Она когда-то добилась этого оттенка магией, и цвет въелся навсегда. И эта копна густых, черных как смоль волос, которые я по своей земной привычке стягивала в небрежный пучок. Правда, на голове Марион этот домашний пучок выглядел так, словно она сошла с обложки глянцевого журнала.

Всё это он сейчас видел. Всё это было облеплено мокрой тканью, и от жара камина пар поднимался над моими плечами, и мне стало страшно.

Воздух в комнате стал густым, тяжелым. Сердце в груди заколотилось, как сумасшедшее, отдаваясь пульсом в горле.

— Что вы делаете? — мой голос сорвался на сиплый шёпот.

Деймар медленно отпил из бокала. Уголок его губ изогнулся в холодной пугающей усмешке, от чего моя кожа покрылась мурашками от запястий до затылка.

— Скажи мне, Марион, — он повертел бокал в пальцах, и гранёное стекло бросило блик на пол, — насколько тебе страшно?

Я даже выдать ответа не смогла, так сильно сжало горло. Безумно.

До тошноты.

Да, мой разум понимал, что садистка Марион заслуживает всего, что бы он с ней ни сделал. Любой боли, любой расправы. Но внутри этого тела была я! Вера, которая просто хотела выплатить ипотеку и вылечить от рака, а не сдохнуть в больнице и попасть сюда!

Я не убивала его брата и не отдавала приказа насиловать его невесту! И если бы можно было отделить меня от неё, вытащить из этого тела и поставить рядом, я бы сама ему сказала: «Давай, она заслужила».

Но вытащить меня было некому. Я была внутри.

Деймар сделал глубокий вдох. Усмешка стерлась с его лица. Глаза потемнели так, что радужка слилась со зрачком, и их затопило такой первобытной, концентрированной ненавистью, что меня затрясло.

— От тебя одни проблемы, Марион.

Он собирался убить меня прямо сейчас. Я прочитала это в его глазах.

В панике я отшатнулась. Сделала неверный, резкий шаг назад, запнулась о край толстого ковра и потеряла равновесие. Мир качнулся, я взмахнула руками, готовясь удариться затылком о камень.

Но удара не последовало.

Пальцы сомкнулись на моём запястье.

Хватка была жёсткой, как стальной браслет, и рывок остановил падение мгновенно.

Это был первый раз, когда он прикоснулся ко мне, чтобы

помочь. Пусть инстинктивно, пусть из-за какой-то случайной реакции, но он не дал мне упасть.

И в ту же секунду кожу под его пальцами обожгло.

Не просто теплом — раскаленным железом. Я тихо вскрикнула, попытавшись выдернуть руку, но он держал намертво.

Я подняла на него глаза и обмерла. Зрачки Деймара дрогнули и на моих глазах сузились в тонкие, вертикальные кошачьи щели. Тьму в его глазах мгновенно затопило ослепительное, жидкое золото. Выражение абсолютной ненависти на его лице треснуло, сменившись абсолютным, парализующим недоумением.

Он медленно, словно во сне, развернул мою руку ладонью вверх.

Там, на внутренней стороне запястья, прямо под его пальцами, сквозь бледную кожу проступал светящийся золотой узор. Сложная, пульсирующая в такт сердцу вязь, от которой расходились волны обжигающего тепла.

Метка.

Я знала, что это, потому что память Марион швырнула ответ мгновенно. Метка истинности. Знак, который появлялся при прикосновении истинных пар. Драконья магия, древняя и безусловная. Подделать такой знак было нельзя. И означал он одно.

Генерал поднял на меня глаза.

Золотые. С узкими вертикальными зрачками.

В них горела всепоглощающая ненависть, ужас и ярость.
И я поняла, что вот теперь я точно умру.

Глава 6

Он отшвырнул мою руку.

Резкий толчок отбросил меня прочь. Запястье хрустнуло, прострелив предплечье жгучей болью до самого локтя. Я отлетела на шаг и чудом сохранила равновесие, добела вцепившись пальцами в толстый край дубовой столешницы.

Из его груди вырвался утробный звериный рык. Гулкий звук ударил по костям моего черепа, заставив мелко дрожать выставленную посуду. Человеческая природа полностью уступила место первобытному хищнику.

— Убирайся.

Голос прозвучал абсолютно чужеродно и искаженно, напоминая скрежет пе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.